

осуществлявшая курс на последовательную демократизацию страны. В результате была демонтирована императорская система, принята демократическая конституция 1947 г., ликвидировано помещичье землевладение, а также восстановлено нормальное функционирование рыночных отношений (отмена системы трудовой повинности, ограничений на перемещение рабочей силы; ликвидация «дзайбацу»; переход от военного производства к гражданскому; обеспечение хозяйственной самостоятельности предприятий и т.д.).

Этот краткий экскурс в историю становления современной Японии со всей очевидностью свидетельствует о национально-индивидуальном характере сочетания предпосылок модернизации Японии, обобщенно описываемом как «японская модель» модернизации. Вместе с тем нельзя не отметить и наличия некоторых универсальных моментов, свойственных модернизационному процессу в любой стране и отмеченных, в частности В.Г.Буровым, на примере модернизации тайваньского общества [12, 214].

Сам процесс модернизации Японии на протяжении всей его истории носил двойственный характер. Эта двойственность приобрела форму периодически повторяющегося феномена. В формализованном виде она предстает как повторяющиеся циклы ориентации на Запад, связанной с широким усвоением западных технических достижений, знаний, институтов, законов и идей, с последующей на это реакцией в виде обращения к проблеме национального – исторического, культурного, психологического своеобразия японского общества. Исследователи отмечают следующие циклы в истории Японии нового и новейшего времени: увлечение западными идеями после реформ Мэйдзи и консервативная реакция с конца 80-х годов XIX в. вплоть до первой мировой войны; новое наступление «западничества» в 20-е годы XX в. и затем взрыв ультранационалистических настроений 30-х годов. Сущность этой реакции на Запад, как она видится некоторым японским идеологам, предельно четко сформулирована и отражена в лозунге «техника Запада, мораль Востока», выдвинутом еще в период утверждения капиталистических отношений в Японии и во многом предопределившем дальнейшие вариации проблемы сочетания достижений западной цивилизации с традиционным наследием японской культуры. В процессе превращения Япо-

нии в современное развитое государство интерес к национальной самобытности насаждался японскими националистами и шовинистами в виде различных пропагандистско-идеологических построений «японизма» и «национального превосходства и исключительности». Подобные умонастроения всегда определялись внутренними социально-экономическими, политическими и идеологическими причинами в тот или иной период, и не могут быть объяснены лишь ссылками на «загадочность» и «неповторимость» японской души, противоборством с иной культурной традицией, дихотомическим расчленением «Запад-Восток».

Последний по времени цикл связан с мощным американским влиянием в послевоенные годы и интенсивным интересом к собственной культурной специфике и этнопсихологии с конца 60-х годов, сохранившимся до второй половины 80-х годов XX в.

Поражение японского милитаризма во второй мировой войне привело к банкротству доктрин и построений, занимавших прежде господствующее положение в идейной жизни страны. Это потребовало методологической перестройки всего комплекса обществоведческих дисциплин, в том числе и тех, предметом анализа которых являлось самое японское общество. Важную роль в этой перестройке сыграло заимствование и усвоение достижений американской и западноевропейской социологии, особенно американской в силу ее ведущих позиций в то время в мировой социологии. Данный процесс выразился в первую очередь в переводах на японский язык всех сколь-нибудь значительных работ американских социологов, перечисление имен которых фактически будет совпадать с наиболее известными фигурами в американской социологической мысли, а также в многочисленных комментаторских и популяризаторских работах: «После второй мировой войны ослабление ограничений, существовавших ранее для социальной мысли, и быстрые изменения, происходившие в японском обществе, стали причиной калейдоскопического многообразия идейных школ и подходов к исследованиям... Импорт позитивистской социологической теории и исследовательской методологии также начался в первые послевоенные годы. Рабо-

ты Талкота Парсонса, Роберта Мертона, Райта Миллса, Джорджа Хоуманса, Дэвида Рисмена, Сеймура Липсета и многих других были переведены на японский язык...» [158, 280].

В период с середины 50-х до конца 60-х годов сформировался современный облик Японии как высокоразвитой промышленной державы. К важнейшим процессам этого периода следует отнести начало и развитие научно-технической революции, сверхвысокие темпы экономического роста. Следствием этих процессов явились серьезные изменения в социальной структуре японского общества, а именно значительное повышение удельного веса лиц наемного труда среди самодеятельного населения; размывание промежуточных слоев и групп, в частности резкое сокращение численности крестьянства; увеличение числа служащих в производительных и непроизводительных сферах хозяйства; рост численности наемных работников и изменение отраслевой и квалификационной их структуры, в первую очередь повышение удельного веса квалифицированных рабочих; быстрый рост лиц интеллектуального труда и т.д. К тому же развитие научно-технической революции в стране в немалой степени способствовало снижению уровня безработицы, существенному для Японии повышению заработной платы и улучшению условий жизни лиц наемного труда по сравнению с предшествующим периодом.

Социально-экономические изменения, которые происходили в японском обществе в 60-е годы, были общими с теми процессами, которые протекали в других экономически развитых странах. Это создавало объективную основу для дальнейшего заимствования теоретических установок и принципов западноевропейской и американской социологии. В некоторых случаях данное заимствование принимало форму простого воспроизведения уже известных положений и достигнутых результатов, служащих основой для теоретического построения. Сказанное справедливо в отношении так называемой теории «современного капитализма», развиваемой в Японии на рубеже 60-х годов известными экономистами Цуру Сигэто, Аридзава Хироми, Накаяма Итиро и т.д. Следуя взглядам Гэлбрайта, Свизи, Стречи и Фоссара, японские сторонники этой теории пытались эмпирически обосновать трансформацию капиталистического общества и доказать, что современная его форма отличается от классической. Их ар-

гументация строилась на обобщении таких свойственных современному обществу явлений, как изменение характера акционерных компаний, разделение собственности и контроля, «революция в доходах», образование «смешанной экономики» и т.д.

В других же теориях те или иные общие теоретические положения получают своеобразное модифицированное и реинтерпретационное преломление, несмотря на сохранение в целом прежнего идейно-теоретического русла. К таким наиболее влиятельным и своеобразным для японской социальной мысли рассматриваемого периода доктринам можно отнести, как это следует из работ японских авторов, теорию «массового общества» в том виде, в каком она была представлена Маусита Кэййти, а также теорию «социальных изменений» Томинага Кэнйти, исходной теоретической посылкой которой явилось признание современного японского общества «индустриальным» по своему характеру. Для обеих этих теорий характерна абсолютизация роли технического прогресса в развитии общества. Их сходство в этом отношении было отмечено рядом японских социологов. Так, по утверждению Ватануки Дзёдзи, в японских вариантах доктрин «массового» и «индустриального общества» их образы взаимно переплетаются [84, 123]. По мнению Т.Хасимото, в основе этих теорий лежит технологический взгляд на историю, что позволяет ему констатировать общность их исходных позиций [140, 291].

Подобные выводы не случайны. Они отражают свойственную указанным теориям техницистскую направленность, возобладавшую и ставшую доминирующей ориентацией в социологической мысли Японии в 50–60-е годы. Основой такой ориентации послужила фетишизация роли техники как результат бурного развертывания в стране научно-технической революции и ее последствий для японского общества в целом и для его социальной структуры в частности. Технические нововведения в сфере производства оказали существенное влияние на все области общественной жизни, что было воспринято теоретиками как свидетельство неисчерпаемости возможности техники. Более того, ставя знак равенства между техническими и социальными процессами, японские социологи стали интерпретировать общественный прогресс как сугубо технический, а технику в качестве единственного средства решения социальных проблем. При этом техника стала

рассматриваться ими сама по себе, как самостоятельный и автономный феномен, в отрыве от экономических, социальных и политических условий. На основе подобного истолкования роли и значения техники в социологической мысли и сложилось техницистское направление.

Примечательной особенностью теоретических поисков японских социологов техницистской ориентации является их прямое обращение к тем или иным аспектам Марксова анализа общества. Сам факт такого обращения связан с идеологическим противоборством двух систем в период холодной войны, а также с длительным влиянием марксизма на общественную мысль Японии. В частности, по констатации Т.Фурутакэ, «в японской социологии весьма широко распространилось влияние марксизма» [137, 271]. Это воздействие марксизма в наибольшей степени сказывается в теориях К.Мацусита и К.Томинага. Причем работа последнего «Теория социальных изменений» оценивается как «произведение, весьма полемичное по своей направленности по отношению к марксизму» [137, 268]. Для обоих теоретиков характерно, с одной стороны, признание и осознание своей интеллектуальной зависимости от марксизма, а с другой, редукционизм и фрагментарность адаптации его положений. Так, К.Мацусита при теоретическом обосновании механизма формирования «массы» непосредственно обращается к положениям К.Маркса о развитии производительных сил в их техническом аспекте. К.Томинага, осмысливая проблему взаимосвязи экономических и социальных факторов, отмечает, что «марксистская социальная наука предложила один из возможных вариантов этой трудной проблемы... Поистине эти мысли Маркса явились для меня (т.е. для Томинага. — М.А.) исходным моментом при рассмотрении данной проблемы [132, XI]. Вместе с тем ни Мацусита, ни Томинага не воспринимает марксизм как определенную теоретическую структуру и пытаются критиковать его по отдельным важным разделам и проблемам. При этом эта критика преподносится ими как стремление «дополнить», «обновить» или «утвердить» марксизм в новых условиях, в соответствии с новыми явлениями и процессами, которые не могли быть учтены его создателями.

В конце 60-х годов возникает ответная реакция на увлечение «западничеством» в предшествующий период в русле так называемых «теорий японца и японской культуры». Вектор

интереса, характерного для данных «теорий», в целом традиционен и связан с односторонней абсолютизацией культурного своеобразия для создания собственного образа Японии. Широкие возможности для различных теоретических построений и интерпретаций на основе культурной самобытности обусловлены существованием японцев как общности, остающейся самостоятельным и единым социально-культурным историческим субъектом и одновременно субстратом социальных процессов трансформации и преобразований. Именно они являются носителями культурного массива, из которого можно бесконечно извлекать накопленные духовные богатства. Эти богатства как бы не принадлежат к какому-либо конкретному историческому времени, и потому в них можно найти даже «прошлое» национальной духовной истории. Поэтому в поисках национального лица, самоутверждения и стабильности сторонники «теорий японца и японской культуры» обратились прежде всего к уникальности самого японца, подчеркивая гомогенность японского народа, обладающего собственной культурой и остающегося неизменным на протяжении всей своей истории, и его радикальное отличие от всех других народов. Отсюда и стремление воссоздать базовую личность или национальный характер в социальном-психологическом, психоаналитическом, культурно-психологическом и социолингвистическом аспектах. Последние и определили тематику «теорий японца и японской культуры», связанную с рассмотрением культурно-исторических, социокультурных, психологических и поведенческих стереотипов и субстратов, характерных для японцев.

Тем не менее, несмотря на ориентацию на самобытные черты японца и японского общества, теоретики указанных построений отнюдь не подвергают сомнению модернизаторские новации всей предшествующей японской истории. Они, в сущности, молчаливо согласны с выбором западного варианта развития и отрицательно не реагируют на вестернизаторские концепции преобразования, как это делают, например, сторонники «исламского» или «буддийского пути». Реставрационные попытки оживить «прошлое» являются таковым лишь по интенции, по внешнему представлению, но не по сути, поскольку сохраняющиеся традиционные элементы социальной структуры, психологии и поведения японцев органично

встроены и успешно функционируют в современном в технологическом отношении японском обществе. Берется лишь ставшее настоящим как таковое, в котором и следует отыскивать вековые, проверенные модели жизнеустройства и схемы поведения.

Внимание к специфической психологии и культурно-историческому сознанию японцев, отстаиваемое «теориями японца и японской культуры», в чем-то сродственно с поисками русской «почвы» славянофилами, возродившими интерес к обычаям, нравам и психологии русских допетровской эпохи, а также пытавшихся воскресить идеальный мир допетровской Руси в виде общинной жизни русского народа. Естественно, что такое сопоставление не абсолютно, учитывая условия возникновения этих воззрений, их содержательное наполнение и уровень теоретизирования. Скорее речь может идти о феноменологической идентичности указанных течений в общественной мысли России и Японии. Русское славянофильство явилось первой в истории ответной реакцией на модернизационный процесс, принявшей форму теоретического выражения. Выдвинутая им антитеза «Россия-Европа» предвосхищала все дальнейшие варианты подобного противопоставления и заложила основу общности тематических устремлений при обосновании идентичности.

В сфере теоретической интерпретации существующего японского общества в русле «теорий японца и японской культуры» происходит переосмысление прежних стереотипов, сложившихся на базе техницистских концепций. Это переосмысление ранее бытовавших взглядов вылилось в попытку перестройки самих методологических принципов, установок и концептуальных подходов к анализу социального облика современного японского общества. Новая ориентация теоретиков сказалась прежде всего в обращении к новым по своему характеру доводам и аргументам, придающим своеобразие и специфичность выдвигаемым концепциям. В целом на первый план выдвигаются социокультурологические, или традиционалистские по своему характеру концепции, сосредоточившие внимание на традиционных и специфичных «японских» элементах, якобы определяющих не только облик сформировавшегося японского общества, но и раскрывающих доселе непонятую его истинную сущность. Это внимание к своеобраз-

зию социально-культурного контекста могло бы быть вполне правомерным и обоснованным подходом при изучении конкретно-исторических особенностей развития Японии. Однако принятые принципы и установки перерастают в этих доктринах в абсолютизацию «японской специфичности» и служат средством обоснования совершенно иного представления об общественной системе современной Японии. Фактически, в конечном итоге утверждается, что существующее общество в силу присущего ему своеобразия является чем-то иным по своей природе и не может в принципе рассматриваться как капиталистическое. Такая позиция теоретиков есть следствие культивирования и утверждения консервативных воззрений на общественный процесс, отрицания социальной динамики. Обращение к традиционным элементам и предопределило «лицо» социальной теории, особенности трактовки японского общества, наиболее ярко проявившиеся в теоретических притязаниях Наканэ Тиэ и Коганэ Ёсихиро.

Настоящее исследование представляет собой очерк наиболее влиятельных и репрезентативных концепций японских социологов в избранном нами аспекте анализа и охватывает период с середины 50-х по середину 70-х годов, т.е. период наиболее активной теоретической их деятельности. Данное исследование позволяет показать общую тенденцию в развитии общесоциологической теории в современной Японии. При этом теории, выдвигаемые социальной мыслью, предстают не как совокупность несвязанных друг с другом доктрин, а как единый и цельный процесс осмысления социальной реальности, развивающийся в соответствии с внутренними изменениями и сдвигами в рамках японского общества. Поэтому в этих теориях при их содержательном анализе можно выявить и выделить объективный элемент, присутствующий в них в преобразованном, а иногда и мистифицированном виде, т.е. можно выяснить и объяснить присущую и отражаемую ими «видимость» реальных процессов и явлений.

В имеющейся философской и социологической литературе отсутствует специальное исследование, посвященное рассматриваемым в настоящей работе доктринам японских теоретиков. Тем не менее, отдельные элементы концепций или

их частные аспекты были затронуты или получили известное освещение в работах О.Ю.Аболина [1], Ю.И.Березиной [399], Ю.Б.Козловского [31, 32, 33], Ю.Д.Кузнецова [37] и ряде других изданий [74, 76]. При написании своей работы автор учитывал результаты этих исследований.

ГЛАВА I

ТЕХНИЦИСТСКИ ОРИЕНТИРОВАННЫЕ КОНЦЕПЦИИ

1. Доктрина «массового общества» Мацусита Кэйъити

Доктрина «массового общества» является, пожалуй, единственной социологической концепцией, определенный интерес к которой проявился еще в довоенный период. Попытка представить тенденцию развития общества в виде его движения по направлению к «массовому обществу» связана с именем известного японского социолога довоенного периода Такада Ясума¹. Анализируя развитие общества с помощью понятий ассоциации и диссоциации, сотрудничества и конфликта, интеграции и дезинтеграции, Я.Такада выдвинул теорию о «стремлении к общности» как основе интеграции и «стремлении к власти» как основе изменений. По его мнению, на «стремлении к власти» основывается процесс уравнивания и стандартизации общества, благодаря которому происходит постепенное отмирание промежуточных групп. Исходя из этого, он допускал, что в будущем общество должно развиваться в направлении «индивидуальной атомизации» и «массового общества».

В послевоенный период к доктрине «массового общества» впервые обратился Симидзу Икутаро в работе «Социальная психология», опубликованной в 1951 г. И.Симидзу попытался включить и обобщенно описать «явление массовизации» в рамках социально-психологического исследования через понятие «новой толпы». По мнению Ко-